

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.22>

UDC 271.2“8/9”
LBC 86.372.11-3

Submitted: 24.06.2019
Accepted: 05.08.2019

**LIFE OF SAINT NIKEPHOROS OF SEBAZE
AS AN ILLUSTRATION OF THE PERCEPTION
OF THE ICONOCLASTIC ERA BY THE BYZANTINES IN LATER TIMES
(INCLUDING RUSSIAN TRANSLATION OF THE LIFE)**

Tatyana A. Senina (Nun Kassia)

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation;
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Research Centre for Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This work is concerned with the perception of the iconoclastic era in the Life of St. Nikephoros of Sebaze preserved in the form of enkomion written by an anonymous author presumably in the mid 10th century, and to clarify some details of Nikephoros' biography. *Methods.* Source research and analysis, philosophical hermeneutics, comparative textological and historical research are the methods employed in this work. Sources on the subject include the edition of the Life of St. Nikephoros by F. Halkin, Lives of St. Patriarch Methodios, St. Nicetas of Medikion and St. Makarios of Pelekete, the *Chronicle of Theophanes the Confessor*. *Analysis.* The life of St. Nikephoros written in the 10th century by a monk of the monastery of Sebaze illustrates how the iconoclastic era was seen by the next generations who no longer found living witnesses of those times. The hagiographer knows almost nothing certain about his hero, except that he was a monk, suffered for icons in the epoch of the second iconoclasm, and founded a monastery. For ordinary monks in the 10th century, the iconoclastic heresy was associated with the names of emperors Leo III, Constantine V and Leo V, which testifies to the success of the myth created by iconodules in the 9th century that the iconoclastic heresy, unlike the others, was not born in the church environment, but appeared in the imperial palace and was implanted by the authorities without much support from believers. Silence about the last iconoclast emperor Theophilos can be presumably attributed to the success of his posthumous rehabilitation. The past is completely mythologized in the Life: all bishops, priests and monks ardently struggled for their faith, enduring torment and hardship; nothing is said about the Orthodox believers who had fallen into heresy. The hero of the Life itself represented a composite character of a Christian ascetic and confessor of iconoduly completely devoid of individual traits. *Results.* The analysis of the life shows that by the 10th century the iconoclastic era began to be perceived by believers – at least, by ordinary monks – as the time of epic exploits, and the knowledge of historical events became fragmentary and was based on myths and legends distributed in the church environment rather than real facts. *Appendix.* The article is accompanied by Russian translation of the Life of St. Nikephoros of Sebaze with a scientific commentary.

Key words: Byzantine hagiography, Byzantine history, iconoclasm, Orthodoxy, translations of sources.

Citation. Senina T.A. (Nun Kassia). Life of Saint Nikephoros of Sebaze as an Illustration of the Perception of the Iconoclastic Era by the Byzantines in Later Times (Including Russian Translation of the Life). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 284-296. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.22>

**ЖИТИЕ СВ. НИКИФОРА СЕВАЗИЙСКОГО
КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ИКОНОБОРЧЕСКОЙ ЭПОХИ
ВИЗАНТИЙЦАМИ В ПОЗДНЕЙШЕЕ ВРЕМЯ
(С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПЕРЕВОДА ЖИТИЯ)**

Татьяна Анатольевна Сенина (монахиня Кассия)

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Житие св. Никифора, представляющее собой энкомий, составленный в X в. монахом Севазийской обители, является иллюстрацией того, какой виделась иконоборческая эпоха потомкам, уже не заставшим живых свидетелей тех времен. Энкомиаст не знает о своем герое почти ничего конкретного, кроме того, что он был монахом, пострадал за иконы в эпоху второго иконоборчества, а освободившись из ссылки в 821 г., основал монастырь. Иконоборческая ересь ассоциируется для рядовых монахов X столетия с именами императоров Льва III, Константина V и Льва V, что свидетельствует об успехе распространявшегося иконопочитателями с начала IX в. мифа, будто иконоборческая ересь, в отличие от прочих, родилась не в церковной среде, а в императорском дворце и насаждалась властями, без особой поддержки верующих. Умолчание о последнем императоре-иконоборце Феофиле можно, предположительно, приписать успеху его посмертной реабилитации. Прошлое в Житии окончательно мифологизировано: все епископы, священники и монахи пламенно поддерживают иконопочитание, терпя мучения и лишения; ничего не говорится об отпавших в ересь православных, которых было много и в первый, и во второй периоды иконоборчества. Сам герой Жития является собой собирательный образ христианского подвижника и исповедника иконопочитания, полностью лишенный индивидуальных черт. В целом содержание Жития показывает, что иконоборческая эпоха к X в. стала восприниматься верующими – по крайней мере, рядовыми монахами – как время эпических подвигов, характеристики персонажей того времени становятся очень схематичными, а знание исторических событий – фрагментарным и основанным скорее на мифах и легендах, распространявшихся в церковной среде, чем на реальных фактах. К статье прилагается русский перевод Жития св. Никифора Севазийского, снабженный научным комментарием.

Ключевые слова: Византийская агиография, история Византии, иконоборчество, православие, переводы источников.

Цитирование. Сенина Т. А. (монахиня Кассия). Житие св. Никифора Севазийского как иллюстрация восприятия иконоборческой эпохи византийцами в позднейшее время (с приложением перевода Жития) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 284–296. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.22>

Введение. Житие св. Никифора Севазийского, составленное в X в., было впервые издано Ф. Алькеном [12]. Во введении к публикации издатель отметил, что это сочинение бедно фактическими сведениями и представляет собой, скорее, фантазию на тему жизни монаха-подвижника и исповедника иконопочитания в эпоху иконоборческих гонений, чем реальный исторический источник. При анализе текста Алькен сосредоточился преимущественно на вопросе, является Никифор реальной или легендарной личностью. С тех пор это

житие не привлекало внимания исследователей. Цель данной работы – во-первых, проанализировать содержание Жития св. Никифора и выяснить, как византийцы воспринимали конфликт иконопочитателей и иконоборцев спустя несколько десятилетий по его окончании и какой виделась иконоборческая эпоха потомкам, уже не заставшим живых свидетелей тех времен; во-вторых, уточнить некоторые выводы Алькена относительно автора и героя жития; в-третьих, представить русский перевод Жития с научным комментарием.

Методы. В основу работы положен метод аналитического исследования источников, проясняющий их логику и содержание. Для интерпретации рассматриваемого материала использовались методы герменевтики и сравнительно-текстологического и исторического анализа.

Источники по теме включают Жития Никифора Севазийского, патриарха Константинопольского Мефодия и Макария Пелекитского, «Хронографию» Феофана Исповедника. При анализе источников использованы предисловие Ф. Алькена к изданию текста Жития, а также исследования Д.Е. Афиногенова и автора настоящей статьи, посвященные иконоборческой эпохе.

В России и за рубежом научных работ, где житие св. Никифора изучалось бы как пример восприятия иконоборческой эпохи византийцами в последующие столетия, в настоящее время нет¹.

Анализ. Иконоборческая эпоха, благодаря большому количеству разнообразных источников, благоприятствует использованию агиографических сочинений при изучении истории, поскольку жития святых иконоборческого периода часто создавались по горячим следам, непосредственными учениками подвижников или по рассказам таких учеников, и относятся в основном к разряду «исторических», а не «эпических» или «романных» житий, согласно классификации И. Делез [10; 13]. Жизнеописание св. Никифора Севазийского, однако, едва ли можно отнести к житиям исторического типа. По форме оно представляет собой похвальное слово, и энкомиаст начинает его с жалобы на то, что очень трудно по достоинству и убедительно восхвалить «жизнь людей, память о которых уже померкла за долгое время, предавшее глубокому забвению блистательные добрые дела», о которых нельзя сообщить почти ничего достоверного (§ 1 – здесь и далее ссылки на параграфы Жития). Житие это дошло до нас в рукописи *Patm. 254*, относящейся к X–XI вв.² и содержащей дометафрастов минологий за апрель. Память св. Никифора помещена там под 29 апреля. Ф. Алькен отметил в предисловии к публикации текста, что этот энкомий очень беден на конкретные исторические факты и даты [12, р. 14–15]. В самом деле, агиограф

честно сообщает, что «миновало уже долгое время и многие из его (св. Никифора) прекрасных деяний ускользают от нашей речи» и лишь «некоторые немногие следы содеянного им сохраняются не на письме, а в памяти и в рассказах старых людей», – на основании этих устных преданий энкомиаст и решил составить похвальное слово святому (§ 1).

Но насколько эти предания соответствуют действительности? Агиограф не может сообщить о своем герое ничего сколько-нибудь конкретного. Он называет родиной Никифора фему Анатолик – более общего указания нельзя и представить, разве что назвать святого подданным Ромейской державы. Далее один топос следует за другим: святой происходил «от добрых людей, воспитанных в благочестии, очень богатых и знатных, весьма усердных к прекрасному», и с малых лет прилежал к добродетели, в детстве «отказывался от материнского молока», в юности «не склонялся ни к чему из худшего», но изучал «божественные изречения», пренебрег всем плотским, «презрел тленный поток богатства, презрел переменчивую и непрочную славу» (§ 2) и, наконец, сделался монахом «в некотором из монастырей своего отечества» (опять ничего конкретного, даже названия обители) и предался подвигам, которые также описываются в самых общих шаблонных фразах (§ 3).

Житие содержит лишь два конкретных указания: название Севазийского монастыря, основанного святым после освобождения из ссылки, куда он был отправлен при императоре Льве V Армянине за иконопочитание, и название соседней деревни – Анфимавры (§ 8). Энкомиасту известны эти места: по молитвенному воззванию в конце его сочинения можно заключить, что он был монахом в Севазийской обители. При этом в тексте нет обычных для житий упоминаний о дате смерти Никифора и о его могиле, что побудило издателя задаться вопросом, существовал ли вообще культ этого святого, пусть даже в узких пределах его монастыря [12, р. 15]. Однако мне думается, что прошение «надзирай свыше за нами, твоими почитателями и твоей паствой» (§ 10) как раз указывает на наличие такого почитания. Если же данное похвальное слово было составлено для произведения в самом монастыре, то отсутствие в

нем упоминания о дне памяти и о гробнице святого как раз понятно: зачем упоминать о том, что и так известно присутствующим?

Ф. Алькен пришел к заключению, что все, что было известно в реальности монахам Севазийского монастыря о его основателе – это что он был изгнан каким-то иконоборческим императором, привязку же ссылки святого к эпохе Льва Армянина они осуществили в какой-то момент сами и передали эту легенду следующему поколению насельников обители, к которому относился и автор Жития; последний неплохо знал правила составления энкомиев, но имел весьма скудные познания о церковной истории вообще и об иконоборческой эпохе в частности [12, р. 16]. Таким образом, по мнению Алькена, на основании данных энкомия трудно судить не только о том, к какому из двух иконоборческих периодов относится жизнь св. Никифора, но даже о том, не является ли она вообще выдумкой монахов Севазийской обители. Однако мне представляется, что если факт основания Никифором нового монастыря после освобождения из ссылки действительно имел место, то это больше напоминает ситуацию второго периода иконоборчества. Именно в эпоху после смерти Льва V и воцарения толерантного иконоборца Михаила II исповедники иконопочитания предпочитали временное обустройство на новом месте или основание нового монастыря, а не возвращение в свои прежние обители. Так поступили, например, святые Феодор Студит, Евфимий Сардский, Макарий Пелекитский, Никита Мидикийский. Причиной этого была позиция, неоднократно выражавшаяся в письмах Феодором Студитом: до окончания гонений на иконы и торжества православия иконопочитатели не должны возвращаться в те монастыри, откуда были изгнаны, поскольку это означало бы частичное соглашательство с иконоборческой властью (см.: [7, с. 57–62, 85]). Таким образом, можно заключить, что Никифор освободился из ссылки в начале 821 г. и возникновение Севазийского монастыря относится к первой половине 820-х годов.

Житие Никифора показывает, что севазийские монахи желали приписать основание своей обители величайшему подвижнику, поскольку святой прославляется ни много ни

мало как превзошедший *всех* подвижников высокой жизни и *всех* перенесших преследования за Христа: «Всех их превзойдя, одних в подвижничестве, а других в мученичестве, он один <...> получает награды как победитель» (§ 9). Даже для энкомия такие похвалы выглядят несколько чрезмерными и особенно странно смотрятся на фоне того, что сам энкомиаст не может сказать о своем герое почти ничего определенного и признается в скудости сведений о нем. По иронии судьбы, жизнь Никифора была очень быстро предана забвению – по-видимому, вместе с упадком основанной им обители, поскольку имя святого не упоминается ни в одной из версий Константинопольского Синаксаря, а Севазийский монастырь неизвестен более ни из каких источников [12, р. 12; 14, р. 101].

Для нашего исследования, однако, не имеет принципиального значения, существовал ли Никифор исторически и был ли в самом деле великим святым. С содержательной стороны его Житие представляет собой источник для исследования восприятия византийцами иконоборческой эпохи по прошествии нескольких десятилетий, возможно, около ста лет, если предположить, что энкомий был составлен в X в., или, возможно, даже позже, если он создан в то же самое время, что и рукопись *Patm. 254*. Рассмотрим, как описана в нем история иконоборчества и гонений на иконопочитателей.

Описав молодость и начало монашеской жизни святого и желая перейти к его исповедническим подвигам за веру, агиограф в качестве интерлюдии намеревается «вспомнить с самого начала историю ереси, ополчившейся против досточтимых икон» (§ 3), – такой же прием встречается, например, в Житии Никиты Мидикийского [5, с. 283–288, § 27–31]. Изображение этой истории в Житии Никифора, однако, весьма схематично. Царствование императора Льва III агиограф описывает всего одной фразой: «Лев, происшедший из исаврийского рода», первым впал в «недуг» иконоборчества, «властвовал преступным образом и повел борьбу против преподобных мужей, поглумившись над Божиими церквями и безумно восстав против священных икон» (§ 4). Остальную часть параграфа автор посвящает царствованию Константина V, не скупясь

на бранные эпитеты: «мерзостный человечишко и самый что ни на есть злодемонский нечестивец, во всем, кроме тела, подобный первому отступнику от Бога». Этот император низверг иконы и жестоко преследовал православных епископов и других иконопочитателей: «одних надолго заключал в тюрьмы, ...а других отправлял под меч и несправедное заклятие. Ведь так много было пламенных приверженцев прекрасного, ревностно подвергавшихся опасности ради благочестия, и многих он топил в морских волнах, а другим оказывал человеколюбие, осуждая на далекую ссылку в чужие края»; «он изобрел некие новые пытки для благочестивых, которые даже страшно упомянуть в речи, поскольку они сопряжены с отвращением к людям и жестокостью, и при их описании рука цепенеет; лучше покрыть их молчанием». Далее агиограф сообщает о смерти «этого преступника» от тяжелой болезни как о Божием наказании за его нечестие. О последовавшем недолгом царствовании иконоборца Льва IV не говорится ни слова. Агиограф, судя по всему, опирается на «Хронографию» Феофана Исповедника (см. примечания к переводу § 4 Жития), и Константин V выступает в повествовании главным антигероем, как это было обычно для иконопочитательской литературы.

Что удивительно, агиограф вообще не упоминает VII Вселенский собор, а восстановление иконопочитания описывается в самых общих словах: «когда к власти пришли благочестивые мужи, чистый мир объял церкви, и все Ромейское государство озарилось благодатными дарами благочестия, а православие получило дерзновение и возвратилось к прежнему процветанию» (§ 5). Затем автор сразу же переходит к возобновлению иконоборчества в царствование Льва V, который «по природе был порочным, да к тому же право властвовать содействовало ему в нечестии, обеспечивая полную свободу действий» (§ 5). Деятельность этого императора описывается подробнее всего: он, «неотступно преследуя стадо православных, вступил в соперничество со всеми уже прежде бывшими и одержимых таким же безумием превзошел, точно слабаков, суровостью в пытках и жестокостью», «предал истязаниям и мучительным бичеваниям священников и тех, которые последовали подвижни-

ческой жизни, а из простых людей тех, кто благочестив и православен», иконопочитатели же мужественно стояли за веру (§ 6).

Здесь агиограф, наконец, переходит к своему герою: «Среди них был и ныне восхваляемый, который тогда присутствовал по какой-то надобности в Царственном Городе. Видя, что истина подвергается опасности, а иконопочитанием пренебрегают, он со всем рвением выступил против нечестия и, словно доблестный наставник, воодушевил других на борьбу, напоминая им отеческие предания... Такими словами он многих из тех, кто предпочел благочестие, убеждал стойко встречать опасности ради прекрасного, избирая славную смерть и пребывающее вовеки ликование» (§ 6). Здесь Никифору приписываются, по сути, деяния, которыми в реальности прославился в эпоху второго иконоборчества св. Феодор Студит (см.: [7, с. 70–74]). Затем агиограф рассказывает, как Никифора вызвал к себе император, пытаясь привлечь к ереси сначала приманками, потом угрозами и бичеванием – разумеется, тщетно. Наконец, святого «приговорили к ссылке на какой-то из дальних островов по соседству с Царствующим Городом, заключив в маленьком и чрезвычайно тесном помещении и бесчеловечным приказом закрыв доступ для желающих его повидать и прибывающих ради посещения» (§ 7), – это описание напоминает житийные рассказы IX в. о ссылках свв. патриарха Мефодия (2, с. 155, § 5) и Макария Пелекитского (4, с. 417–418, § 15).

Жизни Никифора после ссылки посвящен § 8 Жития. Когда Лев V был убит, «для святого настал конец бедствий и была дана долговременная свобода». Никифор не вернулся в свой монастырь, но отправился в район Вифинии и стал жить отшельником в местечке Севази (Σεβαζῆ). Со временем вокруг святого собралась монашеская община, приходили к нему за наставлением и миряне, монастырь процветал, но не богатством и имуществом, а строгим подвижничеством. Затем энкомиаст рассказывает о том, как святой спас от голода вифинцев благодаря чудесному умножению монастырских припасов, которые он раздавал нуждающимся (§ 9), кратко повествует о его блаженной кончине и обращается к нему с молитвой (§ 10).

Странным выглядит то, что агиограф, рассказывая о временах борьбы с иконоборчеством, не упоминает ни восстановительниц иконопочитания императриц Ирину и Феодору, ни патриархов Тарасия, Никифора и Мефодия, ни главного антигероя второго иконоборчества и советника Льва V – Иоанна Грамматика, хотя эти лица почти всегда присутствуют на страницах житий и энкомиев иконоборческой эпохи. Весьма удивляет и то, что агиограф ни слова не говорит об окончательном торжестве православия в 843 г.: из его сочинения фактически складывается впечатление, что гонения на иконы окончательно прекратились сразу после смерти Льва V. Правда, из текста Жития мы не узнаем, когда именно умер св. Никифор, как долго он прожил, освободившись из ссылки. Если предположить, что он умер еще до воцарения Феофила, то есть до 829 г., то агиографу и не было нужды описывать дальнейшие исторические события. Но нам известно, что автор Жития вообще мало знал о своем герое и о времени, которое описывал. Следовательно, то, что он знал и описал в своем энкомии, можно считать образом иконоборческой эпохи, оставшимся к X столетию в умах рядовых монахов – образованных, но, по-видимому, не слишком начитанных.

Выводы. Иконоборческая эпоха для автора Жития олицетворяется, по сути, двумя императорами-еретиками: Константином V и Львом V. Надо сказать, что с исторической точки зрения это не так уж неверно, поскольку именно эти два императора подвергали иконопочитателей суровым гонениям и наиболее резко выразили на деле свое неприятие икон. Умолчание о последнем императоре-иконоборце Феофиле, предположительно, можно приписать успеху его посмертной реабилитации (о чем см.: [2, с. 63–77; 7, с. 114–130]). Иконоборческий конфликт предстает как эпическая битва между императорами-еретиками и православной Церковью в лице святых подвижников – свидетельство явного успеха усиленно распространявшегося многими иконопочитателями с начала IX в. мифа, будто иконоборческая ересь, в отличие от прочих, родилась не в церковной среде, а в императорском дворце и насаждалась властями, без особой поддержки верующих, хотя в реальности иконоборчество зародилось в самой

церковной среде и лишь было поддержано императорами, а патриарх Константинопольский Герман вовсе не был таким пламенным защитником икон, каким его представила позднейшая традиция (см.: 8, р. 79–143; 1, с. 20–22, 116–131; 7, с. 64–70). Прошлое в Житии окончательно мифологизировано: все епископы, священники и монахи твердо стоят за веру, терпя мучения и лишения; ничего не говорится об отпавших в ересь православных, которых и в первый, и во второй периоды иконоборчества было большинство (см., например: [7, с. 63–64]). При этом, однако, православные святые и правители не вызывают большого интереса: помимо героя Жития, ни один из них, в отличие от иконоборческих императоров, не упомянут по имени. Впрочем, вполне вероятно, что автор энкомия Никифор сознательно не стал упоминать никого из других подвижников (которых, к тому же, по его словам, герой превзошел всех), ограничившись ради усиления контраста антагонистами в лице императоров-иконоборцев. Никифор Севазийский воплощает в Житии собирательный образ христианского подвижника и исповедника иконопочитания, полностью лишенный индивидуальных черт: святой с детства отличается благочестием, с юности подвижничает в монашестве, день и ночь предаваясь подвигам и молитвам; когда начинается гонение на иконы, он твердо стоит за православие, укрепляя других и убеждая их быть стойкими, дерзновенно противостоит императору-иконоборцу, отвергает его лесть и посулы, мужественно претерпевает бичевание и отправляется в ссылку на остров в тесную тюрьму, а когда выходит оттуда, продолжает вести аскетическую жизнь и основывает новый монастырь. Все это можно в тех или иных сочетаниях встретить в житиях святых иконоборческой эпохи, которыми, вероятно, агиограф и вдохновлялся. В целом содержание Жития показывает, что иконоборческая эпоха к X в. стала восприниматься верующими (по крайней мере, рядовыми монахами), как время эпических подвигов, характеристики персонажей того времени становятся очень схематичными, а знание исторических событий – фрагментарным и основанным скорее на мифах и легендах, распространявшихся в церковной среде, чем на реальных фактах.

Приложение. В заключение прилагается перевод Жития св. Никифора, выполненный по изданию Ф. Алькена [12, р. 18–30]. Номера страниц издания указываются в угловых скобках < >.

Похвальное слово преподобному отцу нашему и исповеднику Никифору, игумену Севазийскому

<18> 1. Трудно и чрезвычайно мучительно братья восхвалять, да еще подобающими словесами, жизнь людей, память о которых уже померкла за долгое время, предавшее глубокому забвению блистательные добрые дела. Ведь из-за этого получается, что наше слово и убедительным не кажется, поскольку по причине неведения слишком удаляется от чего-либо достоверного и никак не достигает красоты и истины, и к восхваляемым не относится по достоинству, да еще рассказывает о многом таком из содеянного ими, что унесено течением времени и о чем уже нельзя узнать ясно. Но поскольку некоторые, невзирая на трудность этого дела, вывели на свет многое из того, что прежде было предано забвению и что сокрыло время, и благопристойно с усердием сделали это ясным и предложили для ознакомления на пользу другим, захотелось и нам восхвалить преподобного отца нашего и исповедника Никифора и предложить всем его житие как некий прекраснейший образец добродетели, чтобы нам не показаться небрежными и по беспечности не упустить пользу многих, <19> не заботясь о том, что таковой муж остается в забвении, и не устаивая словом того, кого украшает сияние дел. Ведь если даже миновало уже долгое время и многие из его прекрасных деяний ускользают от нашей речи, все же некоторые немногие следы содеянного им сохраняются не на письме, а в памяти и в рассказах старых людей. Их-то ныне мы попытаемся по порядку представить в слове, чтобы все истребляющее время не сокрыло и это и таким образом не нанесло ущерб светлому житию, которого одного достаточно, чтобы увлечь всех к прекрасному через усердие к подобной жизни и привести к славе, доставляемой добродетелью.

2. Итак, говорят, что этот блаженный имел отечество в той стороне, где восходит солнце, в самой середине лежащих на востоке земель, и местность та равнинная, больше других освещается солнечным светом, почему и называется всеми соответственно – Восточная, ибо таково ее наименование³. Оно признается общим и для всех прочих местностей, где раньше всего восходит солнце, но эта местность именуется так особенно и по преимуществу. Вот так называлась его родина – добрая земля, имеющая все необходимое для принесения

плодов и способная прокормить на пастбищах всевозможных животных.

Этот святой родился от добрых людей, воспитанных в благочестии, очень богатых и знатных, весьма усердных к прекрасному и согласных во всяком виде добродетели. Ибо, обильно раздавая имущество бедным и сберегая его в неразграбляемом месте на небесах (ср.: Лк. 12:33), они получили взамен, по благословию свыше, намного больше и вслед за тем устроили себе счастливую и исполненную твердого упования жизнь. Вот от таких-то родителей произойдя, этот чудный не помянул своей жизнью их блистание, но усердно потрудился, чтобы не только <20> сравняться с ними добродетелью, но прославиться еще больше и свой мученический образ жизни сделать тщательнейшим и более совершенным, чем их приношение Богу. Ведь, хотя сравняться с родившими – дело великое и вожденное для других, он считал это малым или нисколько не похвальным, но вознамерился превзойти и самого доблестного мужа.

Поэтому, будучи еще в нежном и незрелом возрасте, он отказывался от материнского молока, потому что молодость особенно цветет непокорством при усвоении прекрасного и легко устремляется к неподобающему, поскольку еще не в силах, из-за юношеской незрелости, понимать, где польза, и предпочитать наилучшее. В этом возрасте он не склонялся ни к чему из худшего, не занимал ум безрассудствами и тем, чем повреждается красота души. Ведь, предавшись изучению божественных изречений, склонившись к лучшему и причастившись достойной свободного человека⁴ пищи и воспитания, он пренебрег сладостями этой жизни, пренебрег и склонностями *плоти и крови* (1 Кор. 15:50), презрел тленный поток богатства, презрел переменчивую и непрочную славу.

3. Итак, в некотором из монастырей своего отечества остригши волосы и сделавшись монахом, он полностью предался единоборству на подвижническом поприще, не медля из-за любви родителей, не отклоняясь и не оглядываясь на прочие прелести этой жизни. Ведь он знал, что не пригоден для Бога тот, кто взялся за духовный плуг, но снова принимается за оставшиеся позади мирские дела (ср. Лк. 9:62). Поэтому, полностью посвятив себя Богу, он жил по законам подвижничества, сначала служа братьям на самых низших послушаниях, отгоняя тщету славы, приобретая скромность и <21> достигая высоты смирения, а затем понемногу преуспевая в божественных восхождениях (ср. Пс. 83:6), устремляясь к духовным подвигам, удерживаясь от удовлетворения чрева и презирая насыщение пищей, воздержанием от пищи почти отказываясь от человеческого образа жизни и одерживая верх над пребывающими в подвижничестве, превосходя

и тех, кто много времени провел в трудных подвигах. Ведь он не растрчивал время жизни на пустые и бесполезные занятия, но во всякую пору настойчиво продолжал трудиться ради Бога. И каждый день у него заканчивался в молитвах и размышлениях, а ночь, приходя вслед за дневными трудами, испытывала преподобного во всеобщих бдениях и стояниях. Ибо он усерднейшим образом исполнял сказанное блаженным Давидом, *не давая сна очам* и не склоняясь в дремоте при подвижнических трудах, *доколе не обретет места на небесах* (Пс. 131:4–5) и не получит в свой жребий жилище в тамошних кущах (ср.: 2 Кор. 5:1; Пс. 131:13; Евр. 11:9). Вот так он был в этих делах.

Но разве уступает он кому-либо в дерзновении ко всякому подвигу? или в рвении к чему-либо из прекрасного? или в сражении в первых рядах за истину догматов? или в битвах в защиту благочестия и веры? А кто в такой степени возненавидел злодеяние или опровергал нечестивых императоров, стойко держась в пределах отеческих преданий и прогнав безлунную ночь ересей? Но чтобы наше слово сделалось более достоверным и ясно обнаружилось душевное благородство этого мужа, нужно вспомнить с самого начала историю ереси, ополчившейся против досточтимых икон.

4. Этим недугом первым заболел Лев, происшедший из исаврийского рода⁵, который властвовал преступным образом и повел борьбу против преподобных мужей, поглумившись над Божиими церквями и безумно восстав против священных икон.

А когда он <22>, по божественному суду, окончил жизнь, власть наследует его сын Константин⁶, равный ему в нечестии, этакий мерзостный человекишко и самый что ни на есть злодемонский нечестивец, во всем, кроме тела, подобный первому отступнику от Бога⁷. Он еще в младенчестве, при совершении обряда очищения, осквернил святое крещение, тем самым раскрыв свое будущее нечестие и получив соответствующее своей нечистоте прозвище⁸. Позднее, когда он вырос, он *поднял до неба язык* свой, *разверз уста* против Творца и *изрек на высоту несправедливое* (Пс. 72:8–9). Ибо он, взойдя на царский трон и получив отцовскую власть, в муках породил сам в себе злодейство, с еще большим рвением укрепляя нечестие и соревнуясь наперегонки с родителем, чтобы представить его человеколюбивым в тех делах, которые по безумию затеял и осуществил⁹, низвергая прежде воздвигнутые иконы и попирая святыни несвященными ногами, а стоящих во главе Церкви и держащихся здравой веры мужей одних надолго заключал в тюрьмы, словно кого-либо из рожденных рабами или купленных за деньги, а других отправлял под меч и несправедное заклятие. Ведь так много было пламенных приверженцев прекрасного, ревностно

подвергавшихся опасности ради благочестия, и многих он топил в морских волнах, а другим оказывал человеколюбие, осуждая на далекую ссылку в чужие края.

Вот что он творил, и Бог терпел это, по каким-то неведомым и непостижимым судам Своим; а он считал эту кротость бессилием Создателя и великое долготерпение превратил в сырье для злодеяний. И он изобрел некие новые пытки для благочестивых, которые даже страшно упомянуть в речи, поскольку они сопряжены с отвращением к людям и жестокостью¹⁰, и при их описании рука цепенеет; лучше покрыть их молчанием.

Но не до конца Бог не замечал этого преступника, не допустил беспрестанно тиранствовать над благочестием и оскорблять Бога. Ибо ниспосланная Богом болезнь обрушилась на безумца и все его тело <23> охватила сильная горячка, а искусство врачей оказалось бессильным и здоровье не выдержало, ведь оно истощилось в огне болезни, и сознание охватил ужас от этого напоминание об ожидаемых карах. И, наконец, он оканчивает жизнь в мучениях, достойных его нечестия, при самом последнем издыхании горестно рыдая и напрасно раскаяваясь в своих дурных поступках¹¹.

5. Вот таким образом он, жалкий, расстался со здешней жизнью и перешел к тамошним темницам. А когда к власти пришли благочестивые мужи, чистый мир объял церкви, и все Ромейское государство (ἡ Ῥωμαίων ἑλλάς) озарилось благодатными дарами благочестия, а православие получило дерзновение и возвратилось к прежнему процветанию. По всей земле священные иконы воздвигались с еще большим великолепием, и безбоязненно совершались божественные таинства, поскольку были призваны обратно находившиеся на чужбине, и тогда совершалось некое священное празднество всего прекрасного.

Но недолго суждено было христианам пребывать в покое и благоденствии, благочестиво радуясь благам мирного времени. Ибо этому противостояла зависть и ее отец¹², которому невыносимо видеть Церковь осененной и цветущей благочестием. И он, вспомнив о своем давнем злом умысле против первоначальных и придерживаясь своей обычной двойственности, точно так же, как воспользовался тогда змеем для изгнания тех¹³, теперь для уничтожения икон использует в качестве орудия и помощника того Льва, который происходит от армян¹⁴, совсем недавно овладел царской властью и с самого начала стал бесноваться против <24> досточтимых икон¹⁵ не меньше, чем одноименный и единокровный ему¹⁶. Он и по природе был порочным, да к тому же право властвовать содействовало ему в нечестии, обеспечивая полную свободу действий. И немедленно вновь начинается дерзкое

восстание против досточтимых икон, пользуясь властью и нарушая прежнюю безмятежность церквей, а завистник демон подает ему силу, взяв помощницей жестокость императора. Ведь он бы не отважился начать, если бы властитель не примкнул к нечестию, по безумию рассчитывая, несчастный, что таким образом сделает свое царствование славным и более блистательным. Но от его внимания ускользнуло то, что он одновременно и здешнюю свою жизнь разрушил, и еще сильнее топливом своего злодейства напитал огонь геенны, получив его в удел; однако это случилось позднее.

6. А в то время, завладев властью и взойдя на царский трон, он, неотступно преследуя стадо православных, вступил в соперничество со всеми уже прежде бывшими и одержимых таким же безумием превзошел, точно слабаков, суровостью в пытках и жестокостью. Ведь, сменив человеческое естество на звериное, он бесчеловечно замыслил устроить всяческие бедствия, думая всех предать распространителю наказаний и привлечь к своему богочитанию. Поэтому он предал истязаниям и мучительным бичеваниям священников и тех, которые последовали подвижнической жизни¹⁷, а из простых людей тех, кто благочестив и православен. Они же, укрепляемые божественною любовью и презирая тело, которому надлежит погибнуть, мужественно и стойко пребывали в борьбе, не робея перед ужасом и суровостью наказаний, но открыто изобличая нечестие тирана и прямодушно и храбро провозглашая православную веру.

Среди них был и ныне восхваляемый, который тогда присутствовал по какой-то надобности в Царственном Городе¹⁸. Видя, что истина подвергается опасности, а иконопочитанием пренебрегают, он со всем рвением выступил против нечестия и, <25> словно доблестный наставник, воодушевил других на борьбу, напоминая им отеческие предания и уча не относиться с презрением к поклонению досточтимым иконам, зная, что их почитание, согласно великому Василию, переходит к первообразу¹⁹; и что, как низвергающий статую оскорбляет воздвигшего ее, точно так же не почитающий их лишает чести тех, кому они воздвигнуты. Такими словами он многих из тех, кто предпочел благочестие, убеждал стойко встречать опасности ради прекрасного, избирая славную смерть и пребывающее вовеки ликование. И вот, поскольку те, кто всячески старался снискать привязанность тирана, сообщили ему об этом муже, он, закипев от гнева, вызвал святого во дворец и сначала пытался умаслить его почестями, надев маску льстеца и до времени прикрывая тиранство обещаниями. Ибо он рассчитывал сманить святого мягкостью и кротостью, словно какого-нибудь ребенка в юном или даже младенческом возрасте, который без труда поддается

уговорам и легко пленяется какими-нибудь игрушками и приманками.

7. Когда же он обнаружил, что этот муж непоколебим и тверд в образе мыслей, и потерпел неудачу в своем первом начинании, он решил убедить святого угрозами и неодолимым множеством мучений. Но тот грозил, а этот насмехался; тот истязал все тело руками палачей, а этот мужественно переносил удары и с готовностью перенес усиление навалившихся бедствий. И тиран исполнился неистовства и пришел в ярость, видя неустрашимость этого мужа, а его еще больше распяляла божественная любовь (ὁ θεῖος ἔρωσ) и укрепляла некая свыше содействующая стойкость, вооружая твердостью в испытаниях, подобно тому как бывает с железными орудиями в воде²⁰. И тот утомился, приказывая бить святого, и руки палачей ослабели, поражая тело непреклонного; вот до какой степени его тело казалось стойким и выносливым, и он переносил эти ужасы так, словно был зрителем чужих страданий, а не сам переносил всем телом множество разнообразнейших мучений.

Его приговорили к ссылке на какой-то из дальних островов по соседству с Царствующим Городом²¹, заключив в маленьком и чрезвычайно тесном помещении и бесчеловечным приказом закрыв доступ для желающих его повидать и прибывающих ради посещения. В остальном же пребывание там преподобного было благоприятным, и суровость этого образа жизни доставляла ему больше удовольствия, чем другим – беззаботное обитание в райских местах и на лугах, орошаемых водами. Ибо тяжелые условия жизни и недостаток необходимых вещей он считал наслаждением: ведь что доставило бы радость этому мужу, привыкшему терпеть лишения и питающемуся воздержанием от пищи или при необходимости довольствующемуся одними овощами? Огорчением же для него было не умереть от этих наказаний и не присоединиться к борениям мучеников, мучеником уйдя из жизни вместе с ними. Но печали в этих обстоятельствах, в свою очередь, облегчались приверженностью к Богу и знанием, что все управляется по Его воле силой свыше и тамошним промыслом с пользой направляется к лучшему. Поэтому он благодарил Бога и радовался телесным язвам, возмещая мученичеством недостаток трудов и подвижнических борений. И он был борцом не меньше, чем законнейшим подвижником: первым – благодаря ранам, а вторым – благодаря истощению и умерщвлению тела.

8. И вот, этот муж пребывал в ссылке до тех пор, пока тиран оставался в живых; <27> а когда тот расстался с жизнью и получил такой конец, какой подобал таким образом пожившему, для святого настал конец бедствий и была дана долговремен-

ная свобода. Покинув то далекое и исполненное препятствий место, он уже более не обращал взоры к родине и, вернувшись к прежнему времяпровождению, не пошел в монастырь, где изначально был пострижен. Стремясь беседовать с Богом в одиночестве, избегая почестей за свои добрые дела и желая остаться неизвестным, он направляется в одно место в окрестностях Вифинии, располагавшееся на расстоянии не более одного стадия²² или полета стрелы от селения, которое называют Анфимавры, где в первый раз находился в ссылке блаженный Златоустый Иоанн, изгнанный из Царствующего Города²³. Вот там-то и этот преподобный, найдя место под названием Севази, отовсюду заросшее и затененное густым лесом, и с трудом очистив его, построил подвижническое училище, еще с большим рвением, чем в начале приступает к подвигам, гася огонь плоти воздержанием и поработавшая худшее лучшему²⁴.

И вот, Бог не допустил, чтобы он философствовал²⁵ таким образом в потаенном месте и <28> в одиночестве наслаждался радостями безмолвия, а других не направлял ко благу и не преумножал талант благодати (ср.: Мф. 25:13–29). Ведь Он делает его известным, так что повсюду распространяет он лучи добродетели и блистанием дел своих озаряет не только Вифинию, но и всякое место под солнцем. Итак, поскольку повсюду распространяется молва об этом муже, к нему собирается множество людей, из которых одни направляются ко спасению, следуя его поучениям и советам, а другим для преуспевания в добродетели хватало только лишь увидеть его лицо и приветливое обхождение. И все приходящие уходили оттуда с радостью, получая от святого то или иное благо.

А есть и такие, кого охватывало влечение к его образу жизни и побуждало, подражая ему, сменить все приятное в жизни на тесноту монашеской хижины. Поэтому многие из любви к подвижничеству избирали жизнь вместе со святым, он горячо молился о том, чтобы монастырь наполнился и преуспевал. И иные обители были знамениты и славны своим богатством и другим имуществом, а его монастырь был примечателен стесненными условиями жизни как дом воздержания и строгого подвижничества. Ведь у его настоятеля и житие было выдающимся, и окончание жизни соответствовало тем прекрасным подвигам, которые он мужественно совершил ради благочестия. А идущие по стопам этого пастыря и учителя соревновались в том, чтобы не слишком отставать от него. И можно было видеть, как они, подобно некоему священному хороводу звезд кружат окрест этой блистающей утренней звезды²⁶ и сияют светом пастыря, благодаря чистоте приближаясь к чистому свету Троицы.

9. Итак, это что касается подвижничества. Но, не обойдя молчанием эти его деяния, хорошо также не оставить в безвестности вот какое необычайное и славное чудо. Однажды Вифинию охватила нужда, мучительный голод угнетал все живое, земля терпела вред из-за дурного воздуха, а ее плоды уничтожали зайцы. Везде распространялся ужас и <29> охватывал людей всякого возраста, а прежде бывшие бедствия уже считались счастьем, настолько случившееся представлялось поистине более мучительным. В это самое время, когда такие трудные обстоятельства и голод угнетали всю Вифинию и не было никакого средства для спасения, но всем угрожала опасность того, что дело обернется ужасным бедствием, этот блаженный, открыв доступ в монастырь всем, кого угнетала злая нужда, щедро и ревностно помогал им и облегчал их трудное положение неким неистощимым и изобильным подаванием. И он с *радушием* раздавал имущество (Рим. 12:8), а опустошаемые хранилища снова наполнялись; и как случившееся в Сарепте²⁷, так и это достойно удивления и в известном отношении может стоять рядом с тем по невероятности. Ведь и тогда, и теперь Бог по собственной воле определял меру воздаяния, а скорее, принимая малое, подавал большее и в изобилии, и притом даром и без всякого труда.

Итак, вот таким образом Бог через Своего преподобного остановил этот ужас, чтобы и тут прославить Своего раба подобно Иосифу, который некогда во время нужды снабдил продовольствием Египет (см.: Быт. 41). Ведь как того, сначала испытав во многих искушениях, Он затем поставил начальником над той землей, чтобы накормить голодающий народ и остановить самый сильный напор голода, так же и этого в свое время сохранил в превратностях, чтобы через него устроить некое избавление от приключившегося зла. Блаженный этот умел сочувствовать так, как никто другой, жалея слабых, сострадая страждущим, ежедневно помогая в нужде, обильно источая милость.

Сравню ли я его с кем-то в том, что достойно сравнения? Разумеется, не с кем иным, как с теми, которые просияли подвижничеством и высотой жизни, твердо и ревностно перенесли преследования и опасности ради Христа и стяжали бессмертную славу и ликование. Всех их превзойдя, одних в подвижничестве, а <30> других в мученичестве, он один, в соответствии со своим именем²⁸, получает награды как победитель.

10. Хотел бы я и далее распространить слово и потратить больше времени на эти приятные для слуха рассказы, но, чтобы не показаться неприятным, переступив меру, остановлюсь здесь, добавив лишь кое-что еще о том, как он философствовал при самом последнем издыхании. Ибо когда

настала для него необходимость, которой нельзя избежать, отправляясь ко Свету, и некая болезнь обрушилась на тело, угрожая смертью, он, призвав в келью, где лежал, проводивших подвижническую жизнь под его началом, сказал: «Я, чада, уже представляюсь ко Господу и через освобождение от плоти отдаю рабский долг природе. И я прошу и умоляю вас ни в чем не сбавлять напряжения в этой прекрасной борьбе и не относиться с пренебрежением к хранению божественных заповедей и отеческих преданий, но во всем преуспевать в подвижническом борении, *одно только* избрав своей заботой (ср.: Лк. 10:41–42), в чем уже долгое время надежно испытан более совершенный образ жизни, чтобы вы, руководствуясь увещаниями к нему, сохраняли в будущем непорочность и оставались неприступны и неодолимы для ловушек противника»²⁹. Обращаясь к ним с такими наставлениями, он по кончине предал дух в руки Создателя, преподобно и пожив, и преставившись.

Но, о божественная и священная глава, прими от нас это слово, хоть и не вполне достойное, но все-таки не лишенное усердия, и надзирай свыше за нами, твоими почитателями и твоей паствой! А когда мы покинем эту жизнь, представь нас пред непорочной Троицей, поклоняемой в Отце, Сыне и Святом Духе, озаряемых светом единого Божества и познающих Его по мере чистоты каждого, ибо Ему подобает всякая слава, честь и поклонение во все бесконечные веки веков! Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В обзорной работе по византийской агиографии [11], где собрана и библиография, Житие св. Никифора упомянуто одной строкой [11, р. 113].

² Современный авторитетный палеограф Ф. Д'Аюто датирует эту рукопись «X в. или X–XI вв.» (см.: [9, р. 284, п. 22]).

³ Имеется в виду фема Анатолик, одна из главных византийских восточных фем, которая в ту эпоху занимала центральную часть плоскогорья Малой Азии.

⁴ Или: «освобождающей, несущей освобождение». Может иметься в виду как евхаристия, так и вообще приобщение к подвижническому образу жизни.

⁵ Император Лев III Исавр (717–741).

⁶ Император Константин V (741–775), которому иконопочитатели дали прозвище «Копроним», что означает «Дерьмоименный».

⁷ То есть дьяволу.

⁸ По бытовавшей среди иконопочитателей легенде, Константин во время крещения испражнился в купель; рассказ об этом помещен в «Хро-

нографии» Феофана Исповедника [15, р. 400]. Отсюда и возникло уничижительное прозвище Константина.

⁹ Лев Исавр действительно не устраивал таких гонений на иконопочитателей, как Константин, так что мог в сравнении с ним казаться человеколюбивым.

¹⁰ Ср.: [15, р. 442].

¹¹ Ср.: [15, р. 448].

¹² То есть дьявол.

¹³ Адама и Евы из рая.

¹⁴ Император Лев V Армянин (813–820).

¹⁵ Это не соответствует действительности, поскольку Лев Армянин открыто выступил против иконопочитания только на втором году своего царствования, в конце 814 г., хотя сомневаться насчет икон начал раньше. См.: [3, с. 45–48; 7, с. 16–21].

¹⁶ То есть Лев III.

¹⁷ То есть монахов.

¹⁸ Константинополе.

¹⁹ Ср. у св. Василия Великого: «Чествование образа переходит к первообразу» (*О Святом Духе*, гл. 18, § 45 [6, с. 135]). Это любимая цитата иконопочитателей в полемике с иконоборцами.

²⁰ Имеется в виду процесс закаливания железа при ковке.

²¹ На Пропонтиде (Мраморное море) много островов; возможно, здесь имеется в виду Афусия – остров на противоположной Константинополю оконечности моря, на который в эпоху второго иконоборчества было принято ссылать иконопочитателей.

²² Стадий – мера длины, составляющая около 185 метров.

²³ Св. Иоанн Златоуст после низложения в 404 г. был сначала сослан за городок Пренет в Вифинии, располагавшийся на южном берегу Никомидийского залива. Издатель жития св. Никифора предполагает, что деревня Анфимавры находилась рядом с Пренетом [12, р. 27, п. 4].

²⁴ То есть плоть духу.

²⁵ Глагол φιλοσοφεῖν в христианской литературе употреблялся для обозначения монашеской жизни, которую церковные авторы считали по-настоящему философским образом жизни. В дореволюционных переводах это слово обычно переводили как «любомудрствовать».

²⁶ Так называлась планета Венера.

²⁷ Имеется в виду библейская история о том, как пророк Илия во время голода накормил в Сарепте Сидонской семью вдовы, у которой три года чудесным образом не истощались сосуды с маслом и мукой (см.: 3 Цар. 17:8–24).

²⁸ Никифор (Νικηφόρος) означает «Победоносный».

²⁹ То есть дьявола.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афиногенов, Д. Е. Константинопольский Патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847) / Д. Е. Афиногенов. – М. : Индрик, 1997. – 224 с.
2. Афиногенов, Д. Е. «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия / Д. Е. Афиногенов. – М. : Индрик, 2004. – 192 с. – (Scrinium Philocalicum, IV).
3. Лев Преступник. Царствование императора Льва V Армянина в византийских хрониках IX века : Феофан Исповедник, Неизвестный хронист (Scriptor Incertus), Георгий Монах (Амартол) / исслед., пер., коммент. Т. А. Сениной (монахиня Кассия). – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Алетейя, 2014. – 160 с. – (Византийская библиотека. Источники).
4. Макарий, игумен Пелекитский, преподобный, исповедник. [Житие] BHG 1003 / предисл. пер. с древнегреч. и коммент. Т. А. Сенина (монахиня Кассия) // Жития византийских святых эпохи иконоборчества. Т. I / ред. Т. А. Сениной (монахиня Кассия). – СПб. : Квадривиум : Алетейя, 2015. – С. 382–424. – (Byzantina).
5. Никита, игумен Медикийский, преподобный, исповедник. [Житие] BHG 1341 / пер. с древнегреч. Д. Е. Афиногенов ; предисл. и коммент. Т. А. Сенина (монахиня Кассия) // Жития византийских святых эпохи иконоборчества. Т. I / ред. Т. А. Сенина (монахиня Кассия). – СПб. : Квадривиум : Алетейя, 2015. – С. 255–311. – (Byzantina).
6. Святитель Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения. Т. 1 / предисл. митр. Владимира ; вступ. ст. А. С. Сидорова. – М. : Сибирская Благозвонница, 2012. – 1136 с. – (Полное собрание творения святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; 3).
7. Сенина, Т. А. (монахиня Кассия). Иконопочитатели и иконоборцы IX столетия / Т. А. Сенина // Жития византийских святых эпохи иконоборчества. Т. 1 / ред. Т. А. Сенина (монахиня Кассия). – СПб. : Квадривиум : Алетейя, 2015. – С. 3–130. – (Byzantina).
8. Brubaker, L. Byzantium in the iconoclastic era, c. 680–850. A History / L. Brubaker, J. Haldon. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – xxiv, 918 p.
9. D' Aiuto, F. La questione delle due redazioni del "Menologio imperiale", con nuove osservazioni sulle sue fonti agiografiche / F. D' Aiuto // Rivista di Studi Bizantini e Neellenici. – 2012. – Vol. 49. – P. 275–361.
10. Delehayе, H. Les passions des martyrs et les genres littéraires / H. Delehayе. – Bruxelles : Société des Bollandistes, 1966. – 332 p. – (Subsidia Hagiographica; 13B).
11. Efthymiadis, S. Hagiography from the "Dark Age" to the Age of Symeon Metaphrastes (Eighth-Tenth Centuries) / S. Efthymiadis // The Ashgate

Research Companion to Byzantine Hagiography. Vol. I : Periods and Places / ed. S. Efthymiadis. – Farnham : Ashgate, 2011. – P. 94–142.

12. Halkin, F. Une victime inconnue de Léon l' Arménien? Saint Nicéphore de Sébazé / F. Halkin // Byzantion. – 1953. – Vol. 23. – P. 11–30.

13. Hinterberger, M. Byzantine Hagiography and its Literary Genres. Some Critical Observations / M. Hinterberger // Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography. Vol. II : Genres and Contexts / ed. S. Efthymiadis. – Farnham : Ashgate, 2014. – P. 25–60.

14. Janin, R. Les églises et les monastères des grands centres byzantins (Bithynie, Hellespont, Latros, Galésios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique) / R. Janin. – Paris : Institut Français d' Études Byzantines, 1975. – xvi, 492 p. – (Géographie ecclésiastique de l' Empire Byzantin, 2).

15. Theophanis Chronographia. Vol. I / ed. C. de Boor. – Lipsiae : Teubner, 1883. – viii, 503 p.

REFERENCES

1. Afinogenov D.E. *Konstantinopolskiy Patriarkhat i ikonoborcheskiy krizis v Vizantii (784–847)* [Patriarchate of Constantinople and Iconoclast Crisis in Byzantium (784–847)]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 224 p.
2. Afinogenov D.E. «*Povest o proshchenii imperatora Feofila*» i *Torzhestvo Pravoslaviya* [Tale of Forgiveness of the Emperor Theophilus and the Triumph of Orthodoxy]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 192 p. (Scrinium Philocalicum, IV).
3. Senina T.A. (Nun Kassia), ed. *Lev Prestupnik. Tsarstvovanie imperatora Lva V Armyanina v vizantiyskikh khronikakh IX veka: Feofan Ispovednik, Neizvestnyy khronist (Scriptor Incertus), Georgiy Monakh (Amartol)* [Leo the Criminal. The Reign of Emperor Leo V the Armenian in the Byzantine Chronicles of the 9th Century: Theophanes the Confessor, The Unknown Chronist (Scriptor Incertus), George the Monk]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2014. 160 p.
4. Senina T.A. (Nun Kassia), ed. Makariy, igumen Pelekitskiy, prepodobnyy, ispovednik. [Zhitie] BHG 1003 [Life of St. Makarios of Pelekete, BHG 1003]. Senina T.A. (Nun Kassia), ed. *Zhitiya vizantiyskikh svyatykh epokhi ikonoborchestva. T. I* [Lives of Byzantine Saints of the Iconoclastic Epoch. Vol. 1]. Saint Petersburg, Kvadrivium Publ., Aleteya Publ., 2015, pp. 382-424.
5. Afinogenov D.E., Senina T.A. (Nun Kassia), eds. Nikita, igumen Medikiyskiy, prepodobnyy, ispovednik. [Zhitie] BHG 1341 [Life of St. Nicetas of Medikion, BHG 1341]. Senina T.A. (Nun Kassia),

ed. *Zhitiya vizantiyskikh svyatykh epokhi ikonoborchestva. T. I* [Lives of Byzantine Saints of the Iconoclastic Epoch. Vol. 1]. Saint Petersburg, Kvadrivium Publ., Aleteya Publ., 2015, pp. 255-311.

6. Metropolit Vladimir, Sidorov A.S., eds. *Svyatitel Vasilij Velikiy, arkhiepiskop Kesarii Kappadokiyskoy, Tvoreniya. T. I* [Saint Basil the Great, Archbishop of Caesarea of Cappadocia. Works. Vol. 1]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2012. 1136 p. (Polnoe sobranie tvoreniya svyatykh otsov Tserkvi I tserkovnykh pisateley v russkom perevode [Complete Collection of Works of Holy Fathers And Church Writers in Russian Translation], vol. 3).

7. Senina T.A. (Nun Kassia). *Ikonopochitateli i ikonobortsy IX stoletiya* [Iconophiles and Iconoclasts of the 9th Century]. Senina T.A. (Nun Kassia), ed. *Zhitiya vizantiyskikh svyatykh epokhi ikonoborchestva. T. I* [Lives of Byzantine Saints of the Iconoclastic Epoch. Vol. 1]. Saint Petersburg, Kvadrivium Publ., Aleteya Publ., 2015, pp. 3-130.

8. Brubaker L., Haldon J. *Byzantium in the Iconoclastic Era, c. 680–850. A History*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. XXIV, 918 p.

9. D’Aiuto F. La questione delle due redazioni del “Menologio imperiale”, con nuove osservazioni

sulle sue fonti agiografiche. *Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici*, 2012, vol. 49, pp. 275-361.

10. Delehaye H. *Les passions des martyrs et les genres littéraires*. Bruxelles, Société des Bollandistes, 1966. 332 p. (Subsidia Hagiographica, 13B).

11. Efthymiadis S. Hagiography from the “Dark Age” to the Age of Symeon Metaphrastes (Eighth-Tenth Centuries). Efthymiadis S., ed. *The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography. Vol. I: Periods and Places*. Farnham, Ashgate, 2011, pp. 94-142.

12. Halkin F. Une victime inconnue de Léon l’Arménien? Saint Nicéphore de Sébazé. *Byzantion*, 1953, vol. 23, pp. 11-30.

13. Hinterberger M. Byzantine Hagiography and Its Literary Genres. Some Critical Observations. Efthymiadis S., ed. *Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography. Vol. II: Genres and Contexts*. Farnham, Ashgate, 2014, pp. 25-60.

14. Janin R. *Les églises et les monastères des grands centres byzantins (Bithynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique)*. Paris, Institut Français d’Études Byzantines, 1975. XVI, 492 p. (Géographie ecclésiastique de l’Empire Byzantin, vol. 2).

15. Boor C. de, ed. *Theophanis chronographia. Vol. I*. Lipsiae, Teubner, 1883. VIII, 503 p.

Information about the Author

Tatyana A. Senina (Nun Kassia), Candidate of Sciences (Philosophy), Editor-in-Chief, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Bolshaya Morskaya St., 67, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation; Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Research Centre for Sociology of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St., 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation, mon.kassia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8120-3499>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Сенина (монахиня Кассия), кандидат философских наук, ведущий редактор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, ул. Б. Морская, 67, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, mon.kassia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8120-3499>